

0. $\frac{41}{208}$

СК-1, МС-3 4-

Б-405



41

208

Злбсрж
№ 39
м.

МШИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ И ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

П. А. Безсонова.

хр 1869



ИЗДАНИЕ.

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при
Московскомъ Университетѣ.



МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

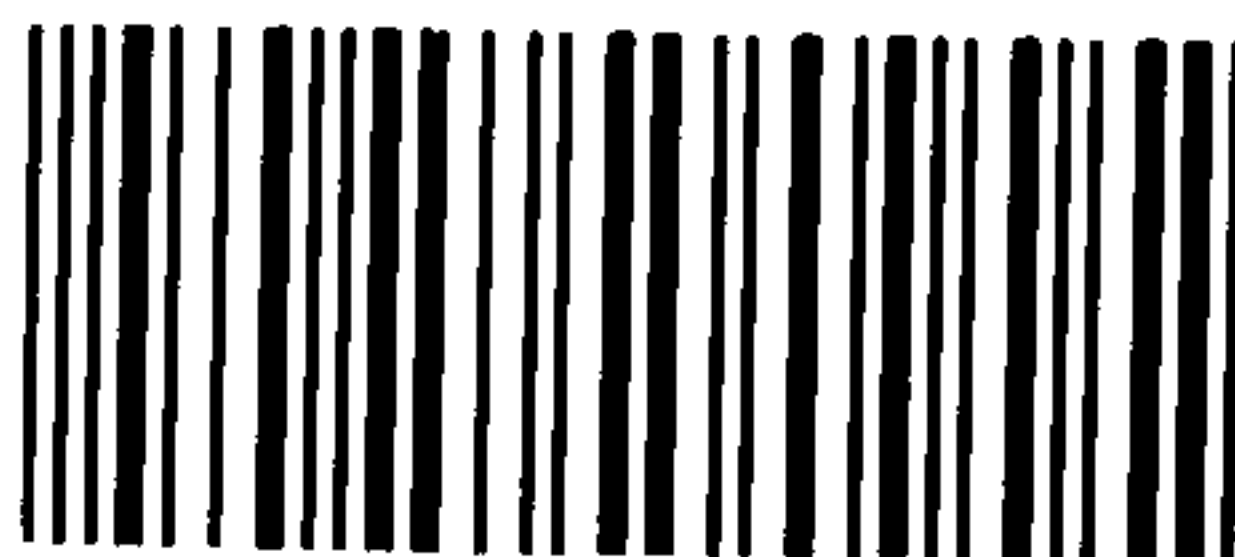
Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 4-я.

181



~~1239277~~
Ф 24098-39



2007099328

МНИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ
въ Россіи.

Вопросъ выставленный нами въ заглавіи, и не новый, и далеко не законченный въ наукѣ, въ литературѣ, въ области ходячихъ политическихъ мнѣній. Онъ періодически повторяется отъ времени до времени и часто съ новою силою, хотя и съ обыкновенною неудачею; онъ извѣстенъ и у насъ и между Славянами, особенно среди Поляковъ; онъ отзывается иногда и съ замѣтными слѣдами въ иностранныхъ сужденіяхъ о Россіи. Мы нѣкогда подробно разобрали его въ отношеніи къ «народному творчеству», * по поводу статей почтеннаго археолога г. Стасова, который выводилъ изъ Азіи, отъ Туранцевъ и Монголовъ даже самое содержаніе, а тѣмъ болѣе приемы нашего народнаго эпоса: между тѣмъ сужденія автора въ новомъ видѣ и историческомъ примѣненіи, еще очень недавно занимали пятый Археологическій Сѣздъ, встрѣчая конечно возраженія, но не теряя за собою инициативы и вызывательнаго характера. Еще недавно въ Галиціи изданъ учебникъ **, предназначенный для народныхъ школъ и увѣряющій, что «по ученымъ изслѣдованіямъ Русскіе или Москали не относятся къ Славянскому племени и не происходятъ отъ расы Кавказской, напротивъ отъ Монгольской—Азіатской». Самъ К. Дм. Кавелинъ столь извѣстный историкъ и публицистъ въ своихъ очеркахъ Россіи, вынесенныхъ изъ послѣднихъ поѣздокъ во внутреннія ея области и печатавшихся въ нашей періодической прессѣ, не далекъ отъ убѣжденія въ томъ же, хотя и съ замѣтнымъ сожалѣніемъ, какъ бы противу собственной склонности. Наконецъ, и г. Кулишъ поднялъ

* Въ VIII-мъ томѣ изданія «Историческихъ Пѣсней».

** *Gauetier*. «Всеобщая Географія. (Geografia powszechna).

то же знамя надъ своими произведеніями въ Галиціи и по его теоріи оказывается, что *Туране* начинались уже чуть не съ лѣваго берега Днѣпра вплоть до Москвы. Не говоримъ о болѣе мелкихъ явленіяхъ печати въ томъ же родѣ, со временъ Екатерины доселѣ, ни о той фалангѣ людей, порою весьма безпристрастныхъ, увлеченныхъ въ сторону подобнаго воззрѣнія ради авторитетовъ, въ странахъ современнаго Славянства.

Все это даетъ вопросу въ нашихъ глазахъ значительную важность, неоспоримую уже ради одного только періодическаго повторенія, ради именъ въ немъ участвующихъ и ради близкой къ намъ современности. Если въ немъ видную роль играютъ иногда политическія тенденціи и расчеты, не справляющіеся съ наукой, то къ этому мы совершенно равнодушны, полагая, что политика должна истекать изъ дѣйствительной жизни и истины, а не наоборотъ; самые «ужасные» выводы, рассчитанные на политику, нисколько насъ не пугаютъ и мы готовы въ ихъ адептахъ признавать всю искренность убѣжденія, всю готовность послѣдовать истинѣ, если она убѣдительна. Но когда подобныя взгляды пролагаютъ себѣ путь въ серіозную науку или прикрываются «учеными изслѣдованіями», якобы несомнѣнными и безъ строгаго отчета въ ихъ результатахъ, безъ повѣрки, а по слуху или на слово; когда при этомъ выставляются quasi-«неопровержимыя» данныя этнографіи и этнологіи, антропологіи и археологіи, вообще же фигурируетъ «ученость» и «подлинная наука»; когда это не одинъ уже литературный очеркъ, не одинъ приѣмъ публициста и намѣренный мотивъ политика: во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, такъ сказать, чувствуемъ себя неловко, ибо по нашимъ крайнимъ убѣжденіямъ и доступнымъ свѣдѣніямъ здѣсь наука рѣшительно ни причемъ, всѣ мнѣнія основаны чисто на одномъ невѣдѣніи или недоразумѣніи, а самый простой взглядъ науки, самая азбука ея приѣмовъ, ведутъ прямо въ сторону противоположную. Еще болѣе: мы сознаемъ уже свою обязанность и непремѣнный долгъ—войти въ разсмотрѣніе вопроса и по существу и по его притязательной формѣ. Мы это и сдѣлаемъ въ предѣлахъ и въ характерѣ статьи журнальной.

Есть еще одна важная сторона разбираемаго вопроса: онъ ведетъ прямо къ вопросу о такъ называемомъ «Монгольскомъ (у другихъ «Татарскомъ» или «Туранскомъ») игѣ», о нашихъ отношеніяхъ къ выходцамъ Азіи, къ нашимъ врагамъ или послѣдовавшимъ нашимъ приемышамъ, о противодѣйствіи имъ, вліяніи на насъ или ассимиляціи съ ними, и все это съ древнѣйшихъ временъ отъ Гунновъ (или даже ранѣе) до новѣйшихъ Турокъ и Текинцевъ. Струя этихъ отношеній

и взаимодействій протекаетъ всю нашу исторію и во многомъ ее обуславливаетъ. Разумѣется, кромѣ научнаго интереса «Русской исторіи», это отозвалось и отзывается на составѣ нашего народа, на складѣ общества и на строѣ государства; а далѣе уже на вѣрованіяхъ и преданіяхъ, на языкѣ и творчествѣ, на всемъ внѣшнемъ бытѣ до его послѣднихъ мелочей. Вездѣ здѣсь неотразимо важно знать и даже пользоваться знаніемъ, на сколько помянутыя отношенія, воздѣйствія, сліянія или отпоры тому были дѣйствительны, глубоки и сильны. Это очевидный уже переходъ къ *практикѣ* и къ *примѣненію* знанія.

Всякое знаніе и въ самой строгой наукѣ, ближе или дальше въ концѣ концовъ имѣетъ и обнаруживаетъ примѣненіе къ практикѣ жизни. Отстраняя въ этомъ родѣ политику, помянутую выше, въ данномъ вопросѣ мы указывали однако лишь только *ту* политику, которая своими расчетами «простерта на насъ, въ нашу сторону», чтобы вредить намъ или, въ лучшемъ смыслѣ, установить правильныя отношенія къ намъ. Но есть же и должна быть; кромѣ того, политика *наша собственная* и не та одна, которая касается государственнаго устройства или дипломатіи, и не одна полиція (того же происхожденія), но и политика въ коренномъ смыслѣ — политическая жизнь *гражданъ* среди условій общественныхъ, и политическія отношенія къ *народу*, и отношенія *его самого* къ *политическому бытію*. А здѣсь вопросъ о помянутыхъ сношеніяхъ, взаимодействіяхъ и ассимиляціи — вопросъ важности первостепенной, *прямо, безъ посредства* дѣйствующій на ежедневную и обиходную практику жизни. Вопросъ о Туранствѣ и Монголизмѣ, о вліяніи его, объ отпорѣ ему или дѣйстви на него, о чистотѣ или подмѣси народнаго состава, общественнаго склада и государственнаго типа, этотъ вопросъ тѣснѣйше связанъ съ *вопросомъ объ инородцахъ вообще*, стоящимъ на очереди со всею неотложностію. Всякіе Туране и Монголы не одиноки въ своемъ типѣ и въ исторіи столкновеній или жизни съ нами: многочисленными вѣтвями, чертами и постепенными переходами они непременно связуются съ *инородцами прочими*, не Русскаго вообще или въ частности Азіатскаго происхожденія и типа, племени, нарѣчія и быта; эти послѣдніе въ большей или меньшей связи съ Туранами и Монголами, но также точно входили и входятъ въ нашъ составъ, складъ, строй и бытъ, положительно ли своимъ вліяніемъ и ассимиляціей или отрицательно — нашимъ противодѣйствіемъ, или наконецъ — положительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ самихъ, со стороны силъ нашихъ, неизбежно отъ того напрягавшихся и формировавшихся такъ или



иначе. Между тѣмъ, не говоря здѣсь объ инородцахъ *европейскихъ* (гораздо болѣе съ родни намъ), ни объ *симитическихъ* (слишкомъ вліятельныхъ еврействомъ), ко всѣмъ *прочимъ инородцамъ*, какъ нарочно всего болѣе связаннымъ съ Туранствомъ и Монголизмомъ, на примѣръ къ разнымъ вѣтвямъ *Чуды*, мы стоимъ доселѣ болѣе, чѣмъ странно и въ знаніи и на практикѣ. Мы или эксплуатируемъ ихъ, подавляемъ и заставляемъ вымирать (какъ преимущественно въ Сибири), или допускаемъ ихъ эксплуатировать насъ самихъ (какъ частію въ Европейской Россіи), или вытѣсняемъ ихъ въ Азію, или теряемъ для себя отъ сліянія ихъ съ цивилизаціей сосѣдей Европейскихъ или портимъ ихъ, или не пользуемся какъ слѣдуетъ ихъ способностями и силами, или хладнокровно допускаемъ простыя наши массы поддаваться ихъ типу, или насильно руссируемъ ихъ, или грубо отталкиваемъ отъ себя, или безотчетно воспринимаемъ отъ нихъ въ себя самихъ худшее, не зная и не оцѣнивая лучшаго и т. д. Однимъ словомъ, мы и не знаемъ ихъ научно и практически, а въ то же время *игнорируемъ*, въ практикѣ ведемъ ихъ *куда-то* безотчетно, подчинены же имъ *безсознательно* и *пассивно*. Тутъ нѣтъ *мѣры силъ*, ни своихъ, ни чужихъ, а потому нѣтъ и *правильнаго пользованія* и должной *пользы* ни имъ, ни намъ. Все это можетъ продолжаться *такимъ путемъ* или должно кончиться дурно: а все это зависитъ отъ недоразумѣнія, далѣе отъ невѣдѣнія, au fond—отъ безучастія и отсутствія науки. Понятно, что мы всею душою желали бы возвысить посильный ея голосъ, пользуясь ближайшимъ случаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить и опредѣлить *существенныя черты* вопроса.

И этого мало. Съ вопросомъ объ инородцахъ неразрывно связанъ вопросъ и о *переселеніяхъ*, поставленный уже на очередь и, слава Богу, пущенный такъ или иначе въ ходъ. Мы не знаемъ еще хорошенько *состава* нашего народа, не вѣдаемъ въ точности и объ другихъ, *историческіе* ли они народы, съ извѣстнымъ достояніемъ и обязательностію своихъ задатковъ, или крупныя *племена*, или мелкія и низшія *расы*, или даже *дикія*; съ организованнымъ ли *языкомъ*, или съ *нарѣчіемъ* и *первыми* ступенями рѣчи. Естественно, мы не знаемъ и отъ того практически не можемъ съ правильностію рѣшить, *кого* намъ беречь, какъ свою основу, *кого* выводить, *каковы* ихъ историческія потребности и *каковы дѣйствительныя* средства для удовлетворенія, *куда* ихъ переселять, съ *какими сосѣдями* сводить, отъ какихъ удалять или предостерегать, однимъ словомъ, *какъ направлять* все это движеніе и какъ *фиксировать* осѣдлость. Мы въ этомъ дѣлѣ

совершенные младенцы: для нашего взора не только одинаковы Остякъ и Якутъ, Мордвинъ и Башкиръ, Осетинецъ и Калмыкъ, Черемисинъ и Татаринъ, Киргизъ и Тунгузъ, и т. д., но даже—увы—сверхъ мѣстности, податей и потребности въ пищу одинаковы намъ собственные крестьяне — Смолянинъ и Костромичъ, Новгородецъ и Калужанинъ, Малорусъ и Вологжанинъ, Тулякъ и Олончанинъ, и т. д. При переселеніяхъ, безъ знанія основъ и различій въ семь дѣлъ, какая путаница возможна, одинъ Богъ знаетъ: воображая оказать благодѣяніе, мы можемъ подсѣчь историческіе корни народности, перемѣшать и перебить разные типы, безъ нужды разложить одни, безъ пользы усилить другіе, лишиться лучшаго подъ руками, отдать надежнѣйшее подъ вліяніе враждебное, пополнить и возрастить элементы намъ враждебные, обезсилить и стѣснить присные. Никакія отвлеченныя воззрѣнія филантропіи, политической экономіи и администраціи тутъ не помогутъ: тутъ дѣло съ *жизнію и типами народонаселенія*. По счастью, сюда уже обращены взоры науки и, на сколько она доступна намъ, мы примѣнимъ ея данныя по поводу мнимаго Туранскаго «происхожденія Руси».

Размѣры журнальной статьи и, какъ кажется, первой въ этомъ родѣ, на ступени «опыта», не позволяютъ намъ ни вдаваться въ мелкія частности, ни расширять вопроса, и безъ того общаго, до «всеобщности». Мы обязаны прежде всего ограничиться значеніемъ *Турана* и *Туранства* въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи и историческому развитію *Русскаго народа*. Мы должны при этомъ указать только *ближайшихъ* къ сему дѣлу *инородцевъ* и роль ихъ относительно племеннаго состава, народнаго типа, вліянія на общество и исторію. Мы возьмемъ ихъ въ исторіи *давнихъ передвиженій* и съ истекающими отсюда *результатами*, которые самъ уже читатель легко выведетъ для практики *переселеній новѣйшихъ*. А чтобы избѣгнуть широты обзрѣнія въ самомъ началѣ, мы возьмемъ прежде *частный случай и поводъ*, отъ котораго уже *постепенно* войдемъ въ глубь нашего дѣла. Такимъ случаемъ и поводомъ, наиболее рельефнымъ, а потому и доступнымъ для всѣхъ, послужить намъ вышедшее нѣсколько времени назадъ сочиненіе г. *Сумцова*: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно Русскихъ» (Харьковъ). Существенное содержаніе и значеніе его мы разобрали критически въ №№ газеты «Русь». Но здѣсь есть еще отдѣлъ, который ищетъ, по означеннымъ обрядамъ, опредѣлить типъ *Русскій* (Великорусскій съ Бѣлорусскимъ) и *Малорусскій*, тѣмъ самымъ восходитъ къ происхожденію *обоихъ*, возводитъ читателя къ *происхожденію Руси вообще*, а на этомъ пути

сталкивается съ вопросомъ о *Туранствѣ* (и Монголизмѣ): ибо, какъ извѣстно, послѣдователи теоріи о семъ послѣднемъ, ставя Великую (и бѣлую) Русь въ ближайшее соотношеніе началъ съ Тураномъ, изъемятъ отсюда *Русь Малую*. Г. Сумцовъ, какъ осторожный авторъ, не держится здѣсь воззрѣнія крайняго; но, предлагая факты, склоняющіе въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ симъ даетъ намъ самый лучшій поводъ, начать разсмотрѣніе нашего дѣла именно съ *свадебнаго обряда*, самаго характернаго для опредѣленія типа народностей и ихъ столкновенія.

I.

Старинная поговорка. — «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ или близокъ въ сношеніяхъ, и я скажу, кто ты таковъ», примѣняется къ данному вопросу въ такомъ видѣ: «скажите, какова у кого *свадьба* и какъ къ ней относятся, тогда мы рѣшимъ, *народъ* ли это, призванный жить исторически, или *племенная вѣтвь* и мелкая *раса*, въ *дикости* ли, или на ступени *кочевья*, въ переходномъ *дружинномъ* быту, или съ прочной осѣдлостью, земледѣліемъ и землевладѣніемъ, въ организаціи *народной* и на пути къ устройству самобытнаго *государства*. И это естественно: *свадьба* есть форма и выраженіе, обрядъ и главный актъ для началъ *брака*; бракъ есть основа и неизбежное условіе созданію *семьи*; семья есть твореніе, существенная принадлежность и отличительный признакъ организованной *народности*; народность вырабатывается вѣками и плодомъ ея—мировое явленіе, живое и обособленное существо *народа*, завершающаго свое призваніе въ жизни *политической*. Въ свадьбѣ выражается, запечатлѣвается и всѣмъ становится наглядна *исторія семьи*, со всѣми путями и періодами ея созданія, а вмѣстѣ и съ наличнымъ ея состояніемъ: кто семьи не создалъ, до нея не дошелъ или остановился на полудорогѣ, у того нѣтъ и непрерывной исторіи сему явленію, а слѣдовательно нѣтъ и выраженія полного—въ свадьбѣ. Но, какъ семья состоитъ изъ *членовъ*, такъ исторія ея вмѣстѣ есть исторія и выраженіе роли *отдельныхъ членовъ семьи*, въ дѣлѣ же брака, разумѣется, по преимуществу исторія *сына—жениха* и будущаго супруга, а еще болѣе, еще главнѣе,—исторія разныхъ образовъ и ролей *дѣвы* *). И въ исторіи самой семьи

*) Мы употребляемъ названіе — *дѣвы*: такова она у «подлинныхъ», «историческихъ» народовъ, со своимъ древнимъ, «божественнымъ», то-есть исконнымъ смысломъ въ происхожденіи, какъ идеаль, какъ *diva* (*дива* же и по пропозicioнiю многихъ Славянъ),—«божественная и дивная». Человѣческая же, по физиче-

на поприщі реальної дійсності, і в її творчеському вираженні обрядом і словом свадьбы, однаково обрисовується і виступає передь нами яркій образъ «дѣвы», по всѣмъ ступенямъ развитія її *собственного* и развитія *представлений* обь неї, какъ жила и живетъ она въ окружающей средѣ, какъ ее поставила и какъ понимаетъ самая среда; такой образъ есть вмѣстѣ очеркъ среды, симптомъ ея понятій и отличительный признакъ ступени въ развитіи. Здѣсь представляется намъ рельефно, во очію и въ слухъ: положеніе, значеніе и пониманіе *женщины* вообще, женщины «просто или всякой»; далѣе выработанная высокая роль и добытое сознаніе обь ея *началахъ* или идеалѣ, — въ замкнутости ключей дѣвства, недоступности, таинственности, важности, въ очарованіи и привлекательности, однимъ словомъ значеніе и роль *дѣвы*, какъ самобытнаго и, скажемъ, «спеціального» явленія и существа въ мірѣ чельовчеськомъ (чего достигли далеко не всѣ расы и племена, въ чемъ достояніе «народовъ историческихъ»); потомъ (старше по ступени развитія и ранѣе другихъ фазъ) виступаєть роль *сестры* — въ отношеніи къ брату, братьямъ и другимъ *сестрамъ*; за симъ опредѣляется значеніе *дочери* — предъ лицомъ отца и матери (опредѣлившихся, какъ извѣстно, столь же не скоро *поверхъ* физическихъ условій); послѣдуетъ участіе дѣвы, сестры и дочери во *воспитаніи* семейства, въ устройствѣ его и въ хозяйствѣ (каковы—уходъ за малолѣтними и старыми, привлекательность роднѣ, призоръ за домомъ и животными, заготовленіе приданого и т. п.); появляется отношеніе къ *мужчинамъ* изъ иной семьи или другого рода, выдвигающее *жениха*; обрисовується положеніе *невесты*, во всѣхъ періодахъ до завершенія — *смотрѣнной, обѣтованной, суженой, словоренной, зарученной, вѣнчанной*, и наконецъ *молодой* и готовой впереди *матери*, чѣмъ образується уже *новая* семья, возрожденіемъ старшей, началомъ будущей. Такое дѣло и такая перипетія, раньше еще всякаго вираженія въ творчествѣ обряда и слова, въ обычаѣ и учрежденіи, на путіи *собственного* развитія, а потомъ и въ вираженіи, въ признаніи основъ и цѣлей, въ актахъ, реализованныхъ народнымъ бытомъ и закрѣпленныхъ гражданскими узаконеніями, такое — говоримъ дѣло — создаваясь и развиваясь съ постепенностью и твердостью выдержки, какъ рѣшеніе существеннаго вопроса въ созданіи творившейся семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ слагавшагося народа,—занимали они собою тысячелѣтія, волновали цѣлый міръ бурями

ской натурѣ и бытовая называется у нашего народа въ «производной» и «уменьшительной» формахъ—*дѣв-ица, дѣв-ушка*.

ожесточенной борьбы, огненными жертвами, кровавыми войнами, физическими насильствами и моральными страданіями; выстраданы въ смыслѣ собственномъ, взяты съ боя тѣми, кому суждено было явиться народами и занять передовое историческое мѣсто; оставили за собою другихъ, остановившихся на ступени племенной, закружившихся въ кочевьѣ, окаменѣвшихъ въ дикости, но мстившихъ, но всячески мѣшавшихъ передовымъ; сопутствовали всему ходу созрѣванія народности изъ племенныхъ вѣтвей, вошли во всѣ формы быта, въ творчество и языкъ, отпечатались во всѣхъ «вѣкахъ» Археологіи, отличили и обособили собою расы, выдвинувши народы, а изъ нихъ передовые; вмѣстѣ съ «народами» вывели за собою положительную исторію и цивилизацію, гражданство и политику; проникли насквозь всѣ религіозныя культы, міры и поэтическіе образы; зашевелились въ зародышѣ между Тигромъ и Евфратомъ, разгорѣлись на Кавказѣ, сопровождали будущихъ индо-европейцевъ въ кочевьѣ по Ирану; съ мидо-персами и ихъ собратіями, послѣдующими представителями Европы, прошли по всей Малой Азіи, разрушили здѣсь культы древніе, несогласныя съ ролю «Семьи» и «Дѣвы», создали новыя, реформировали архаической Эллинизмъ и воздвигли Аѳину-Палладу, подняли Лаціумъ и Энеадовъ, Весту, Весталокъ и Римъ; ввели побѣдоносныя вѣтви зародившихся историческихъ народовъ въ обладаніе почвою Европы, съ кивотомъ «Семьи» въ средѣ дружинъ, со знаменемъ — *вст* со знаменемъ «Дѣвы» во главѣ.

Такой путь, даже въ «нынѣшней» наукѣ, какъ еще ни нова она въ вопросахъ «народныхъ», достаточно уже раскрытъ и ясенъ, обставленъ съ группированными фактами и памятниками, значительно изслѣдованъ, но, если кто другой, то Славяне всѣхъ болѣе повинны труду на этой благодарной почвѣ; они призваны прямо къ рѣшенію *остальныхъ*, сколько нибудь-темныхъ еще, сторонъ вопроса, недоступныхъ для иныхъ странъ и народовъ: именно—благодаря яркому и обильному свѣту Славянскаго *народнаго творчества*, разлитому по всѣмъ нашимъ памятникамъ—отъ летучаго преданія за тысячи опредѣлившихся словесныхъ формъ, до отвердѣвшаго обычая, а потому стойкаго, но не менѣе живаго и жизненнаго обряда. Первѣйшія извѣстія о предкахъ Славянскихъ, еще подъ Кавказомъ, соединены уже со сказаніями о всякой роли, о цѣлыхъ сонмахъ дѣвъ-жрицъ и о полчищахъ дѣвъ «мужественныхъ», *мужес-женъ* или такъ называемыхъ «Амазонъ»; * главныя рѣки старшихъ Славянскихъ поселеній

* Темное названіе это лучше всего объясняется Славянскимъ *Манъ-женъ*, (мал-женъ) (ман-желъ)—о соединеніи во одно мужчины и женщины.

рядомъ съ именами «женъ» и «матерей», носятъ уже на себѣ имя «дѣвъ» (напр. «Парѣніосъ» у Енетовъ, «Гебръ» или «Марица» у Южныхъ Славянъ). Прошло нѣсколько вѣковъ—и тѣже сказанія, повторяемые Геродотомъ, оживаютъ еще болѣе: въ Скитіи и Сарматіи, т. е. въ нынѣшнемъ южномъ краѣ Руси, по Дону и до Волги, образы передовыхъ дѣвъ запечатлѣваются въ металлѣ и въ живописи; половина Дуная—Истръ (древняя Астара), съ символомъ звѣзды и мѣсяца, олицетворенъ фигуροю и именемъ дѣвы; жила тогдашней жизни, главная рѣка Славянскихъ расселеній.—Донъ-Истръ (Днѣстръ) освященъ тѣмъ же именоваіемъ; изъ нѣдръ земли возстаютъ нынѣ произведенія, рукою Эллиновъ помогавшія Славянину выразить его любимый и верховный образъ; впервые зазвучавшіе звуки «Славянскаго» языка отождествили уже дѣву съ божествомъ, а въ божествѣ признали дѣвство (это—помянутая *дѣва* и *дива* какъ у Индусовъ и Литовцевъ «дѣва» и «*diewa-s*», божество, у Италиковъ *Diva* и *Diana*, *Dia* у Эллиновъ). Начинаются передвиженія съ Дуная въ Карпаты, съ Карпатъ спускаются наши предки дружинами: и вотъ по обѣимъ сторонамъ волшебнаго и священнаго Волхова протекаетъ съ громкою славою рѣка «Дѣвина» (Двина, Парѣніосъ Енетовъ), доселѣ у народа на всемъ Сѣверо-Востокѣ, и у Литовцевъ, и у Бѣлоруссовъ, слыvuщая «вѣщею дѣвою; тѣ же имена и символы при Винетѣ на Балтикѣ, и на Эльбѣ-Лабѣ, Дѣвѣ-Лебеди, бѣлой Лебеди. Сказки—мистеріи нашей доисторическій древности—сгруппированы вокругъ центрального образа Царь дѣвицы, Мары—Марѣы—Елены бѣлой лебеди, повторяемой одинаково и въ эпосѣ; лучший перлъ былеваго творчества—циклъ Микулы Селяниновича красуется строгою и одинаково нѣжною Настасьей, восторженной и драматическою Василисою; дѣвы—поляницы, дѣвы—богатыри, со своими бѣлыми шатрами, съ доспѣхами и побѣдами надъ страстью мужчинъ, покрываютъ какъ сѣтью Русскую землю среди эпической эпохи, уловляя и удерживая въ сѣтяхъ своихъ восхитительныя черты отдаленной старины; сквозь ту же сѣть замѣтно фильтруется послѣдующая исторія, на глазахъ народа и творчества превращая поляницъ въ кроткихъ супруговъ героямъ и въ полныхъ жертвы матерей героямъ—дѣтямъ; пѣсни семейныя и обрядныя (святочныя и и подблюдныя) возвышаютъ дѣву на престолъ нравственной власти, на треножникъ гаданій и вѣщаній, предоставляя ей вынимать жребій, творить судъ людской судьбинѣ, назначать суженыхъ. Проясняется ли положительная исторія (VII вѣка), облицованы дружины, колонизовавшія съ Татръ обширные края послѣдующаго Славянства, территорію «вторичныхъ» и обособившихся народовъ: и отъ Краковского

центра, отъ величаваго образа тамошней великодушной Ванды, на переходъ къ лѣтописи, спускаются въ долины и равнины, въ челѣ дружинъ—какъ ихъ лучшее знамя и вѣрнѣйшій спутникъ, *невѣсты* Славянского союза, прототипы будущихъ семей земли Русской, Чешской и Сербо-Хорватской,—это наша Лыбедь (таже Лебедь) съ послѣдующей подобной Ольгою, Кася—Тетка и Любуша на западъ, Туга и Вуга (Волга) на югъ. На зарѣ исторической жизни, прелестнѣйшій цвѣтъ народной поэзіи и вдохновеннаго слова у Чеховъ («Судъ Любушинъ») не рисуетъ еще князя въ челѣ земли, пересозданной для политическаго бытія, но застаётъ уже во всемъ блескѣ дѣву: Любушу княжащую Любушу, правящую единственно сплюю чистоты и цѣльности бытія, Любушу судію, вѣщательницу, вождя сеймовъ, окруженную сонмомъ дѣвъ, столь же вѣщихъ, древними символами—огня и воды, скрижалями Славянскихъ законовъ съ «правдою по закону святу». Послѣднее слово этой поэмы есть тотъ знаменательный подвигъ, съ которымъ, не сведенная и не низложенная, *сама* Дѣва, силою сознанныхъ требованій исторіи, сходитъ добровольно съ исконнаго престола своего и предоставляетъ его *князю*—своему жениху и будущему супругу. Слѣдомъ затѣмъ, долгая и мятежная борьба народныхъ стихій, искавшихъ выхода къ опредѣленной практикѣ жизни, въ послѣдній разъ изображаетъ намъ остатки дѣвъ въ «дружинныхъ полчищахъ», ихъ крайнія усилія самозащиты и крайности самовласти, горячіе порывы вернуть старину и окончательное украшеніе дѣвъ-амазонокъ: и былины, и первыя страницы лѣтописи (Далимилъ, Косма), посвященные этимъ эпизодамъ, закрываютъ отъ насъ завѣсою переломъ вѣковъ переходныхъ. Когда завѣса приподнялась снова, на сценѣ является ясная, простая и даже обиходная, будничная дѣйствительность народа, съ его земствомъ и общинами, съ городами и бытіемъ политическимъ, съ семьею, съ пѣснями «житейскими» и обрядомъ. Казалось бы,—минувшее исчезло навсегда, бывшее поросло одной былью и много—если уцѣлѣвшими былинами: нѣтъ, самое христіанство, воспринятое въ началѣ же исторіи, съ его высокимъ идеаломъ, сочетавшимъ «дѣву» и «матерь», не повредило давнимъ народнымъ основамъ, не антиквировало сущности въ идеалѣ языческомъ, напротивъ помогло только глубже сознать, понять и яснѣе выразить. И точно, въ эту пору, уже христіанскую и историческую, наступающій періодически среди семьи и народа моментъ *дѣвизы на возрастъ*, повторяемая въ сей средѣ эпоха *невѣсты* и *свадьбы*—воскрешаетъ съ неудержимой властью духъ прошедшаго, величіе и красоту, жизнь и мысль минувшаго: не какъ исчезаго и про-

павшаго, какъ основъ народнаго бытія, по требованью минуты снова возстающихъ къ жизни, къ дѣйствію, къ торжеству и празднику. Въ чемъ и какъ это выражается, сейчасъ очертимъ вкратцѣ.

Все что есть лучшаго, нажитаго народомъ, все возбуждено и стекается къ помянутому центру, группируясь вокругъ руководной идеи: глубочайшій смыслъ и разнообразный перипетіями обрядъ, роскошное его убранство, широта пира, какая только доступна землевладельцу и земледѣльцу, самая драматическая пѣсня, самая выразительная рѣчь въ тысячѣ условныхъ, издревле идущихъ и наслѣдованныхъ, формулъ, трогательнѣйшія мелодіи, массы переливовъ, оттѣнковъ и мелкихъ узоровъ въ нарядной и цвѣтистой обстановкѣ. Всмотриваясь и вслушиваясь, видимъ и слышимъ, что совершается по истинѣ какое-то *таинство*, и не даромъ христіанство, принявъ его изъ вѣдѣнія язычества, признало въ немъ «таинство» брака: но совершается таинство не молчаливо, не въ нѣмомъ дѣйствіи обряда, а до внутреннѣйшей глубины высказано, выговорено, пропѣто, такъ что всякій приглашается къ разумѣнію. Выговаривается и поется слѣдующее. Та, которая была прежде на престолѣ или на горней вершинѣ земнаго міра (и въ обиходной жизни отъ того живетъ «на вышкѣ, въ горницѣ»),—дѣва сходитъ съ высоты, покорная «волѣ батюшки», ласковому увѣщанію матушки, голосу пришельца—какъ призыву будущности. Та, которая судила, была «дѣвою судною», подавала другимъ жребіи изъ суда своего (изъ *со-суда*, вмѣщавшаго въ себѣ судъ и жребій по смыслу слова), получаетъ теперь жребій и на свою долю: и ей самой, какъ поетъ пѣсня, «къ суду пришло», и надъ ней повисъ роковой приговоръ, и ей сужденъ суженый, и ей—дотолѣ свободнѣйшей всѣхъ—наряженъ нарядъ, другъ и будущій владыка ряженный. Обречена она уговоромъ и заручена въ жертву: но, сверхъ того, должна *сама*, добровольно, личнымъ актомъ воли, подтвердить слово сговора, подать руку зарученному—обручнику, клятвою личного обѣта закрѣпить обѣщанія сторонъ, свѣдавшихся о судьбѣ ея. Ей предстоитъ жертва—въ честь союза, народомъ выработаннаго и установленнаго, на благо узъ, связующихъ самый народъ, въ честь семьи родной и на благо семьи новой: она должна принести жертву—самой собою, лицомъ и особою: собственной честью, чистотою, невинностью, стыдливостью; должна пожертвовать утраченной и оставляемой позади «лаской батюшкиной, нѣгой матушкиной», любовью братской, дружбой подругъ, привѣтомъ рода; эта жертва и далеко впередъ—на физическія муки и нравственные тревоги, на заботы и труды новаго дома. Кто виновать здѣсь? *мы* можемъ понять, что виновна